

дѣйствовать:—много сдѣлалъ въ Тибѣ своей. Модестъ пишетъ «Хованщину» и тоже сдѣлалъ порядочно. Корсинька возится съ Безплатною Школой, пишетъ всякіе контрапункты, учится и учитъ всякимъ хитростямъ музыкальнымъ. Пишетъ курсъ инструментовки — феноменальный, которому подобія нѣтъ и никогда не было. Но тоже не имѣетъ времени пока, и оставилъ работу въ ожиданіи досуговъ. Онъ выступилъ въ посту съ концертомъ Безплатной Школы, что вамъ, безъ сомнѣнія, уже извѣстно. Музыка не пишетъ пока. Безъ сомнѣнія, вы много слышали о разладѣ, распаденіи и проч. нашего кружка. Я на это смотрю не совсѣмъ такъ, какъ Людмила Ивановна и многіе другіе. Пока я не вижу тутъ ничего, кромѣ естественнаго положенія вещей. Пока всѣ были въ положеніи лицъ подъ насѣдкою (—разумѣя подъ послѣднею Балакирева), всѣ мы были болѣе или менѣе схожи. Какъ скоро выдупились изъ лицъ интенцы—обросли перьями. Перья у всѣхъ вышли по необходимости различныя; а когда отросли крылья—каждый полетѣлъ, куда его тинетъ по натурѣ его. Отсутствие сходства въ направленіи, стремленіяхъ, вкусахъ, характерѣ творчества и проч., по-моему, составляетъ хорошую, а отнюдь не печальную сторону дѣла. Такъ должно быть, когда художественная индивидуальность сложится, созрѣетъ и окрѣпнетъ. Балакиревъ этого какъ-то не понималъ и не понимаетъ. Многихъ печалитъ теперь то обстоятельство, что Корсаковъ поворотилъ назадъ, ударился въ изученіе музыкальной старины. Я не скорблю объ этомъ. Это понятно. Корсаковъ развивался обратно, нежели, напримѣръ, я. Онъ началъ съ Глинки, Листа, Берліоза, ну, разумѣется, пресытился ими и ударился въ ту область, которая ему неизвѣстна и сохраняетъ интересъ новизны. Я началъ со стариковъ, и только подъ конецъ перешелъ къ новымъ. Но пора кончить. Въ заключеніе скажу вамъ, что, не смотря на эфемерное знакомство наше съ вами, мы съ женой часто вспоминаемъ васъ и то высокое художественное наслажденіе, которое вы доставили намъ въ послѣдній вечеръ. Остается желать, чтобы вы скорѣе навѣстили Петербургъ и не забыли насъ. А покуда жму вамъ дру-

жески руку и прошу прощенія за безалаберное письмо нелѣпѣйшаго изъ вашихъ почитателей

А. Бородинъ.

II. Къ С. Я. Морозову

1.

2 Января 1880 года

Многоуважаемый

Сергѣй Яковлевичъ!

Я глубоко тронутъ высокою честью, которой удостоили меня вы и ваши товарищи, и въ свою очередь прошу гг. артистовъ оркестра Русской Оперы принять мою сердечную благодарность за любезное вниманіе къ моей музыкѣ. Отъ души жалѣю, что занятія по сѣзду Естествениспытателей лишили меня возможности быть у васъ въ концертѣ и пожать руку вамъ и вашимъ уважаемымъ товарищамъ.

Искренно преданный вамъ

А. Бородинъ.

2.

9 Декабря 1881 г.

Многоуважаемый

Сергѣй Яковлевичъ!

Душевно благодаренъ вамъ и г. Стравинскому за любезное вниманіе ко мнѣ и моей музыкѣ, но, къ сожалѣнію, на этотъ разъ ничего новаго не имѣю; въ «Игорѣ», кромѣ двухъ извѣстныхъ вамъ номеровъ для *bass* нѣтъ ничего, что бы можно исполнять въ концертѣ. Жму вашу руку.

Искренно преданный вамъ

А. Бородинъ.

3.

Простите, искренно уважаемый Сергѣй Яковлевичъ, что такъ поздно откликнусь словомъ благодарности, за сочувствіе къ моимъ музыкальнымъ дѣтищамъ:—Кончаку и Владиміру Галицкому.

Отъ души жму вамъ руку и желаю всего хорошаго.

Душевно преданный

А. Бородинъ.

9 Января 1882.